

О рубрике

СЛУЧАЕТСЯ, что кто-то не понимает окружающие. Одни непонятые раздражаются, другие грустят, а третьи становятся гордыми... Со временем каждый из них может стать гением. Это — если его поймут потомки. А как они могут понять, если непонятый массажи не оставит след в истории. Хотя бы такой небольшой, как книга. Или упоминание о ней в газете. Например, в «Книжном обозрении». Открывая клуб литературных интеллектуалов, мы надеемся быть полезными будущему и немножечко настоящему.

О Викторе Пелевине

О НЕМ в последние два-три года писали много. На его прозе оттачивали перо известные критики разных направлений и темпераментов: А.Немзер («Сегодня»), И.Роднянская («Новый мир»), Вяч. Курицын (предисловие к книге), Дм. Быков, П.Басинский (неоднократно), А.Слаповский, немножечко О.Дарк («ЛГ»), Н.Зотов («КО»), и это еще далеко не полный список.

Однако тема Пелевина еще далеко не исчерпана: для книготорговцев «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота» и «Желтая стрела» — по-прежнему бестселлеры, причем в 1998 г. спрос на эти книги сравнялся с хитами массолита; споры в интеллектуальной среде, что есть Пелевин: дурное молодежное оригинальничанье или «большая литература» — не стихают. В одном из крупных московских издательств на стене висит плакат со свежими редакторскими анекдотами под вывеской «Мудрости пелевинского периода русской словесности».

Автор новой статьи о Викторе Пелевине возрождает одну из «древнейших» версий о сущности его творчества — буддийскую. Но главным доказательством авторской позиции служит не рациональный аргумент, а своеобразный стилистический параллелизм.

Публикуется на средства автора.

ВИКТОР ПЕЛЕВИН никогда ничего не писал о насекомых. Ни слова о муравьях, ни полслова о мухах. Виктор Пелевин не затрагивал темы, хоть как-то связанные с Вооруженными Силами Советского Союза, в частности, с подготовкой военных летчиков. И уж тем более он всегда держался в стороне от советской космонавтики. Ему равно чужды непростые проблемы современной психиатрии и огненные версты Гражданской войны. Еще меньше его интересует отечественный железнодорожный транспорт. И на полном нуле стоит его заинтересованность к истории развития птицефабрик в России. Как, впрочем, и в Норвегии. Или в Бразилии. Некоторое исключение в данном контексте представляют тибетские птицефабрики.

Если вы спросите меня, что вообще нужно ему, этому странному человеку, который глядит на живейшие проблемы и не трепещет от них? Тогда я отвечу прямо: это не совсем так. Виктор Пелевин все-таки чрезвычайно много текстов посвящает все тому же железнодорожному транспорту. Только не нашему, родному, а индийскому.

Куда ни глянь, везде у него индийские железные дороги. Одна индийская железная дорога проходит из красного Питера в Белокаменную и, дальше, на Алтай или что-то в этом роде. Другая индийская железная дорога далеко стороной обошла

Это довольно сложный труд, он не всем дается, некоторые (абсолютное большинство — от себя, добавлю, не от Пелевина) так и не начинают даже осознавать, что индийскую железную дорогу вообще стоит искать. То есть еще раз повторяю — поиск индийской железной дороги может затянуться на годы и десятилетия. Как у кого получится. Что мешает? Да все та же неотвязчивая сила иллюзий.

Иллюзии могут быть разными по теме и логике сюжета, но нет слабых иллюзий. В некото-

сектных: семья, труд, достаток. Рыть землю. Упирается рогом. Добиться своего. Взять свое в руки и увидеть, что в них ничего нет. С этой иллюзией справиться труднее всего, пожалуй. Чаще всего в конце вырытого тоннеля — разрушенный мост.

Те, кто ведает вашей ничемной иллюзорной жизнью, зачеркивают ваш шанс, с гиком и писюлетными выстрелами выбрасывая вас из вагона времени под мост, в смерть. Отныне вы в 23348 раз начинаете с tabula rasa.

Особенно сложно бороться с иллюзией, если у нее сладкая обертка: как у конфеты,

тщетны, если вы вообще ведете подобного рода разыскания. Надо бы проснуться; конечно, если повезет, вас разбудит какой-нибудь умник извне, который уж точно будет куда менее реален, чем призрак. Скорее, он будет напоминать пришельца из мест, которые он никогда не мог и никогда не сможет покинуть.

И кстати, какой вообще смысл искать эту индийскую железную дорогу под самым балконом вашего дома? Скорее всего, вселенной все равно, отыщете вы ее или нет. Ей не горячо и не холодно. Вас уже нет, но ровным счетом ничего не изменилось на свете. Вы умрете в конце концов безо всякого смысла, не найдя оной ж/д. Если вы все-таки отыщете светлый путь индийского типа в тундре, то он вас приведет в точку трансформации. В этой точке снимается проблема смерти, причем снимается она путем полного элиминирования самой сути, самой квинтэссенции исчезновения физического тела и персонифицированного сознания. В точке трансформации вы осознаете, что ничего нет, кроме пустоты. Последний полустанок перед окончательным результатом — осознание того, что мы и сами — пустота. Посмотрите на собственные руки. Их нет! Да и смотреть-то по большому счету нечем. Не существует форм и субстанции. Существует пустота. В ней

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПОЧТИТЕЛЬНЫХ КОММЕНТАРИЕВ К МАРДОНГУ ПЕЛЕВИНА

По следам романов «Чапаев и Пустота», «Омон Ра», «Жизнь насекомых» и сборника «Желтая стрела»

Кн. обозрение. — 1999 — 2 марта (№ 9). — С. 12

отряд древнеегипетских летчиков-космонавтов. Третья индийская железная дорога начинается от распахнутого окна куриной бойни... Она все порхает, все вьется в небе. За каждым, можно сказать, кустом — по индийской железной дороге, да притом по такой, что и заметить-то ее чрезвычайно сложно: для этого требуется либо какая-то ключевая фраза, либо неожиданный удар, либо критическая ситуация, где верная смерть — рядышком. На худой конец сойдет и долгое осмысленное продвижение по отечественным путям — как железнодорожным, так и шоссе. Словом, необходимо сдвинуть картину внешней иллюзии. «Застыть!» — как говаривали в старину казаки из числа желтошапочных. Если вы — в сборочном цеху, видимо, у вас появляется возможность обойтись даже без старой доброй индийской ж/д. Просто подойдите к тому месту, где установлена точка сборки, и постарайтесь сдвинуть ее с места. Энергично старайтесь, не пытайтесь расходовать энергию на какие-либо другие действия. Если вы философ и приучены помалкивать и даже не очень-то давать волю уму, распускать мысли или, вернее, хотя и приучены думать, но все — об одном, то и другие средства возможны.

В любой из перечисленных ситуаций вы оказываетесь однажды на какой-нибудь индийской железной дороге. То есть иногда не в прямом смысле, а только в общем, аллегорическом смысле — но это дела не меняет. Только что вы были из числа обыкновенных людей, и тут — раз, и вы совсем не то, а под ногами — рельсы.

рых местах реальность может быть устроена таким образом, что иллюзии проявляются с силой намного выше средней и приобретают многослойный вид. Вот, например, почти непобедимая иллюзия, что вы ведете луноход по поверхности спутника Земли. На самом деле вы крутите велосипедные педали в железной консервной банке на четырех парах колес. Допустим, вы осознали, что никакого лунохода нет, а вас попросту обманули. Но тогда появляется иллюзия, что вы едете в московском метро; покуда вам не удалось побороть и ее, вы ни на шаг не продвинулись в сторону индийской железной дороги. А вот другая иллюзия — вы петушок в курином царстве, и нет ничего масштабнее тамошних глобальных исторических законов, управляющих цикличной реальностью, сменой формаций и общественными нравами. Ба! Вас опять обманули: куриная планета оказалась лотком с кормушкой посередине, и недалеко час забоя. Если вы осознали в полной мере, что жизнь вашей вселенной — мелочь, ничто, и законы истории — иллюзия, у вас есть шанс спастись от бессмысленной гибели и даже научиться летать. Приятна иллюзия: я — поэт; вокруг война, белые бьются с красными, и наоборот; ЧК, комиссары, черные бароны, Ильич, штабс-капитан Овечкин. А вы — поэт. Чем дальше вы продвигаетесь по пути понимания, что не поэт вы вовсе, а призрак, и даже и о призраке-то можно говорить лишь условно, тем меньше безнадежности в ваших поисках индийской железной дороги. Хуже, если ваша иллюзия из разряда чисто ин-

вывернутой наизнанку, — не внутри сладость, прикрытая бумажкой с рисунком, а снаружи; в то время как пустота укрыта под могучим слоем сладости. Один восточный артефакт именуется мардонг: там внутри труп (или мощи), а снаружи памятник. Мардонгам поклоняются. Допустим, внутри труп Пушкина или Бродского. Никому не запрещено почитать мардонг Пушкина или Бродского, поклоняться ему. Лучше даже делать это под потрясающую классическую музыку, на фоне которой проникновенно сверлит соответствующие мозговые центры переворачивающее душу сопрано. Тогда вы полностью гарантированы от прибытия к индийской железной дороге. Процесс величественного поклонения мардонгам подобен пальцу, который давит на спусковой крючок вашего «трюпнения». Как тут не утрутиться, если мардонг так заразен: чем больше общаешься с ними всерьез, тем больше уподобляешься им; «внутренний мертвец» в вас понемногу растет, захватывает все более обширные территории. О, эти грудные и глубокие женские голоса!

Некоторые говорят, что не иллюзорна любовь. Но большинство знатоков сходятся в противоположном мнении. Как может быть не иллюзорна любовь, когда все женщины иллюзорны? Кое-кто небезосновательно утверждает, что и для мужчин иллюзорность является нормой жизни.

Я верное дело вам говорю: вы спите и даже не замечаете раковой опухоли внутреннего мертвеца, которая постоянно прогрессирует, а потому поиски ваши

бежит река всеобщего сознания, того сознания, которое включает в себя все, в том числе и все иллюзии, то сознание, в котором мельчайшая частица заключает в себе универсальный смысл всего, а совокупность всех частиц равна каждой из них. Побыв в этой реке, попробуйте умереть. Не получается у вас умереть? Ну то-то же. Ведь ясно, что смерть — это конец чего-то: протяженности, формы или времени, а как исчезнуть вселенской пустоте, которая не имеет ни того, ни другого, ни третьего? Вы добрались до конечной, став частицей пустоты и в то же время бесконечной и безначальной пустотой в целом. Вы снитесь сознанию и осознаете то, что вы снитесь сознанию. Но и сознание снитесь вам. Умирают ли сны?

Вот об этих-то индийских железных дорогах и пишет Виктор Пелевин. А о военно-промышленном комплексе СССР он не пишет совершенно. Ни строчки, как уже говорилось. Он учит, как распоследний бодхисаттва, а поэтому экзотерику не стоит ждать его очередной актуализации. Стоит уже начинать строить пелевинский мардонг. Вдвойне сложное и долгое дело, если учесть упорную нелюбовь литалладина восточных практиков ко всякого рода интервьюшкам. Прячется не хуже Кастанеды, не преминувшего после смерти скрыться в икстланских кактусах.

А пока двуногие в высшем смысле полные формы российского производства (плюс некоторое количество зарубежных) с нетерпением ждут, о чем еще не напишет Виктор Пелевин.

Дмитрий ВОЛОДИХИН.